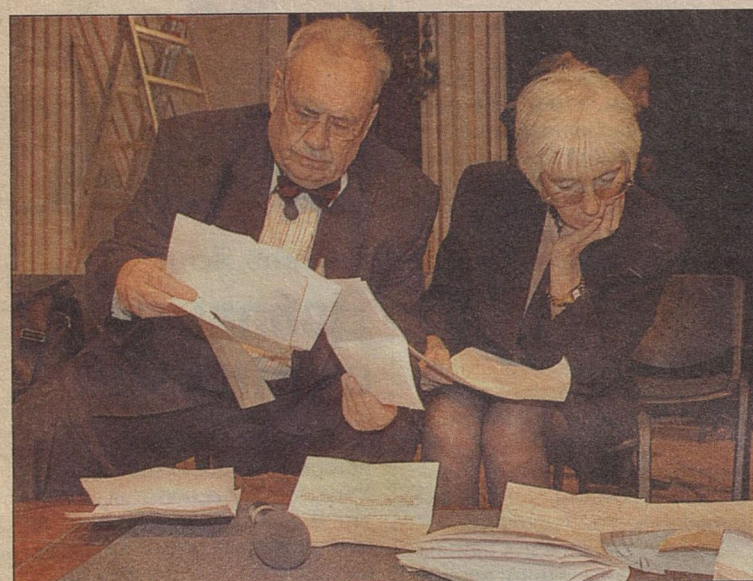

В сентиментальности, сказочности, нереальности и утешительстве меня упрекали всю жизнь. Лично я не вижу в этом ничего дурного

Эльдар Рязанов:

Бог любит сладкое

Супруга Эльдара Александровича — верный помощник во всех начинаниях

Эльдар Рязанов снял 24 хорошие картины и одну великую. Эта великая — «Андерсен. Жизнь без любви» — вышла в конце декабря, еще до шуточного ремейка «Карнавальная ночь». Зрители делятся на тех, кто восторженно рыдает все два часа, и тех, кто тягостно недоумевает. Я из первых.

«Давно запретил себе мороженое»

— Черт, как я вам завидую!
— Отчего, Эльдар Александрович?
— Вы едите мороженое. Я его люблю больше всего на свете.
— Ну так давайте возьмем! Это же «Эльдар», вы тут хозяин...
— Во-первых, не хозяин, а директор муниципального предприятия. Этот кино клуб — не моя собственность, просто я его придумал. Мы устраиваем здесь недорогие сеансы и вечера — зато для настоящей интеллигенции. В буфете у меня действи-

тельно скидка, но мороженое я себе запретил давно — в смысле здоровья оно малополезно.
— Ну хотите, я отвернусь?!
— Ешьте, я не завистливый!
— У вас в фильме сам Бог признается, что любит сладкое...
— В сценарии этот персонаж Вячеслава Тихонова называется «Человек с добрым лицом». Я не уверен, что он Бог. Тихонов давно отказывается от работы, здесь его уговорила дочь, прочитав сценарий. Он все сомневался, не будет ли насмешки над Богом: человек верующий, относится к теме серьезно. Убедился, что насмешки нет. А почему Бог любит сладкое... Видите ли, мне кажется, что у Бога действительно доброе

лицо. Он сентиментален, я думаю. Должен любить сказки. Злого или равнодушного Бога представлять себе не хочу.

— Как вышло, что вы тридцать лет собирались снять кино про Андерсена и решились только сейчас?

— Та, первая заявка была не совсем про Андерсена. Там была история про то, как сказки воспитывают нацию, как андерсеновское милосердие растворилось в ее крови. Мы с Брагинским хотели делать фильм из двух частей: в первой — трудная биография нелюбимого и неудачливого Андерсена, во второй — удивительная легенда о датском короле Христиане X, спасшем всех евреев во время гитлеровской оккупации. Собственно, это действительно легенда — о том, что король вышел на прогулку с желтой звездой, нашитой на костюме. Этого не было, насколько я знаю. Было иначе: он знал, что датские рыбаки собираются всех местных евреев перевезти в нейтральную Швецию. Об этом доносили гауляйтеру Дании, но король сказал, что ничего подобного не предполагается: он их, так сказать, прикрыл. Сумели вывезти почти всех — только 500 человек остались. Их отправили в концлагерь. Так король лично следил за судьбой каждого, поминенно, и Дания — единственная страна Европы, в которой за время

гитлеровской оккупации не погиб ни один еврей! Я стал спрашивать себя: почему? И решил: потому, что у них был Андерсен, сентиментальный, чудак, чудак Андерсен, внушивший им такие понятия о ценности каждой отдельной жизни. Прошло лет тридцать, я помнил об этом замысле, но смутно. И тут Путин приглашает нас с Ульяновым — нам исполнилось по 75 лет. И спрашивает меня: «Какие творческие планы?»

Грех сказать, у меня на тот момент никаких творческих планов не было. Я только что доснял «Ключ от спальни» и собирался вообще с кино завязывать: 24 картины — это, честное слово, много. Но меньше всего мне хотелось предстать перед президентом в качестве человека, у которого нет планов, и я вспомнил «Андерсена».

— А он что?

— Он сказал, что может получиться полезная картина. И спросил, сколько она может стоить.

— А вы что?

— Я назвал сумму с потолка серьезную сумму, потому что предполагал сперва совместный проект. Он задумался, а потом сказал: «Мы вам поможем». Фильм стоил, кстати, меньше

четверти первоначально названных денег.

— И помог?

— Я сперва отнесся к этому как к обычному разговору, который нас обоих ни к чему не обязывал. Но потом на меня наехал мой продюсер (у нас есть маленькая кинокомпания «Гулливер») и убедил меня вспомнить про это президентское обещание. В результате я стал писать сценарий с Ираклием Квирикадзе, чья голова — кладь удивительных сюжетов, почерпнутых большей частью из грузинского детства; я даже боялся, что он и Андерсена сделает таким... слегка аббреком... К счастью, мы быстро друг к другу приновились.

— Из-за этого склада сюжетов вы и сделали его сторожем дурдома?

— Минуточку, не сторожем дурдома, а святым Петром, выпускающим Андерсена в рай! Что поделять — мне кажется, что Квирикадзе похож на святого Петра.

— А Путин посмотрел картину?

— Посмотрел Владимир Кожин, управляющий делами президента. Ему понравился, а передал ли он копию дальше, не знаю. В любом

случае Путин — один из отцов постановки...

— Так что все претензии, как обычно, к нему.

— Нет, ко мне. Насчет претензий — они для меня стали уже привычкой и даже, как ни странно, показателем удачи. Есть некий люфт — в среднем года два — между картиной и ее настоящим успехом. Я до сих пор помню, скажем, как выходил «Берегись автомобиля» — в шестьдесят шестом, влобавок в июле, в самое неудачное время, когда его и не посмотрели толком. Прошло несколько разосных рецензий — и все, и я взялся за следующую картину. А через три года выяснилось, что это почти классика.

«ФСБ —

это у нас в генах»

— Ну, а «Бедный гусар» после первого показа лежал пять лет.

— Потому что в восьмидесятих годах началась перестройка, и его тут же выпустили. С «Гусаром» вышло забавно: его ведь никто не запрещал. На полку не клал. Показали один раз — и все, никаких повторов, никакой прессы, словно и не было такого фильма. Мы с Гориним ходили в разные кабинеты и предлагали разные поправки. Например, они нам говорят: «Ну, у вас там публичный дом...» Хорошо, мы перемонтируем, уберем публичный дом. Потом мне еще что-то не нравилось на уровне реплик, мы еще что-то соглашались убирать, а картина себе лежала: они делали вид, что исправляют, а мы — что соглашались. Хотя и им, и нам было ясно, что камень преткновения совершенно не в публичном доме и не в каких-то островах, а в том, что это фильм про тайную спецслужбу, отравляющую людям жизнь.

И все, и никаких других причин.

— Как же вы сами себе объясняете бессмертие этой службы?! Смотрите, ведь и в новой картине у вас цензор пережил Андерсена...
— Да, пережил, это мы нарочно сделали. Хотя формально, само собой, он не мог быть на его похоронах, поскольку старше... Там выпало несколько хороших эпизодов, они останутся в телеверсии — она длиннее почти на час и выйдет месяца через три после окончания проката. Понимаете, я действительно не могу ответить на вопрос о феноменальной живучести этой службы, которая следит за порядком в мыслях, за внутренним врагом и прочая. Ведь она была всегда. Первое ее, так сказать, государственное

Главное, что разглядел Рязанов в Андерсене (справа — его киногерой): умение заражать верой в ценность каждой отдельной жизни

Рабочий момент на съемках «Андерсена»

трога, тратила на благотворительность треть всех доходов от своих американских гастролей (уверю вас, это были серьезные деньги), не имела любовников, была верна мужу-пианисту...

— Я одного не понимаю: как вы, абсолютно нормальный человек, то есть нормальный в хорошем смысле...

— Можете не извиняться, я не обижаюсь на это определение. Я считаю себя в самом деле абсолютно нормальным человеком. Может, потому, что я не гений.

— Но как вы могли так понять ненормального? Ведь всякий большой художник по определению немного ку-ку...

— Это придумали люди, чтобы не прислушиваться к большому художнику. На самом деле они очень часто говорят вещи верные и неприятные, и чтобы не обращать на это внимания, изобрели миф, что они ку-ку. Удобно, да? На самом деле в огромном большинстве случаев эта ненормальность — хорошо продуманная маска: либо для самозащиты, чтобы в случае чего сослаться на собственное юрство и спастись от всякого рода обвинений, либо для саморекламы. Не любит человек открывенничать — и нацепляет маску, тоже бывает. Но уверяю вас, в душе художник трезвее самых трезвых.

— Но какие-то чудачества и патологии у вас обязаны быть?!
— Например, я полный дебил в технике. С трудом ориентируюсь в кнопках мобильного телефона. Никогда не чинил никаких приборов — все способности в этом смысле на уровне вкручивания лампочки. Но у меня есть оправдание: я заканчивал школу в военные годы, физику всегда преподавали мужчины, все они были на фронте. Я просто не учился этому.

— Но все комбинированные съемки у вас всегда очень чисто продуманы — вспомните летающий паровоз из «Небес обетованных»...
— Исключительная заслуга мосфильмовских умельцев. Этот паровоз перед вами, в клубе «Эльдар», на макете. От него требовалось только крутить колеса и светить фарами. Все остальное — дальние крыши, линию горизонта и летящих за ним собак — досняли отдельно и хитрым образом совместили. Не знаю, сколько это стоило бы на Западе, но у нас вся картина была снята на медные деньги.

Сценарий написали быстро и с удовольствием. Я вообще довольно легко снял «Карнавальную ночь-2», в ДК Московского электролампового завода, — у телесъемки свои преимущества: видеозаписи, четыре камеры... Нам было весело, как будто зрительно — посмотрим.

— И что вы можете сказать об этих молодых артистах, на которых катят столько бочек?

— В большинстве своем это замечательные люди, у которых одна проблема: они торопятся все и сразу. Успеть в неделю на пять съемок одновременно, пока можно, построить дачу и заснять ее для «Семи дней»... Я легко вижу по их мимике, как они, приехав на площадку, восстанавливают происхождение: «Так, где я? Москва или Ленинград? Кто меня снимает? Что за картина? Кого играю?» — и все вспомнив за полминуты, приступают к работе. Я их не виню: такое время досталось.

— Позвольте вам не поверить насчет ухода из профессии...

— Да я и сам не уверен. Я после каждой картины испытываю сильнейший соблазн больше ничего не снимать — а потом приходит идея. Главное, чтобы она не повторяла предыдущие. Мне неинтересно делать то, что я уже умею. Если сейчас сумею придумать то, чего не делал еще никогда, — наверное, опять не удержусь.

— Главное, не слушайте тех, кто упрекает вас в сентиментальности...

— В этом, а также в сказочности, нереальности и утешительстве меня упрекали всю жизнь. Лично я не вижу в этом ничего дурного. На свете нет ничего настоящего важного, кроме милосердия, и напоминать о нем в сказках — занятие вполне достойное. Бог тоже любит сказки и любит сладкое. И не стыдится этого, я думаю.

■ Дмитрий Быков.

Художника обидеть может каждый... Правда, справа не настоящий Рязанов, а картонный